

УДК 94.(47):34

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ВОЛОСТНОГО СУДЬИ**Д. В. Егоров**

Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, 428015, г. Чебоксары, пр. Московский, д. 15
egorov2202@mail.ru

На материалах Казанской и Симбирской губерний представлен исторический портрет волостного судьи 1861–1917 гг. Проанализированы критерии избрания на эту должность, особенности профессиональной деятельности и личные качества судей, прослежены их компетенции по законам 1861, 1889 и 1912 гг. Выявлена роль волостного судьи в крестьянской юстиции.

Ключевые слова: волостной судья, волостной суд, юрисдикция, крестьянство, Казанская и Симбирская губернии.

В современных условиях совершенствования судебной системы страны, повышения статуса судей и переосмысления правовых ценностей общества важно учитывать позитивный опыт, накопленный во второй половине XIX – начале XX в., выявить особенности формирования и функционирования органов юстиции и судебной власти, ставших на защиту правопорядка, прав и свобод человека. Тематика исследования приобретает особое звучание в связи с существованием в обществе проблем правового нигилизма, коррупции, эффективности судебной системы, характерных как для дореволюционной, так и для постсоветской России.

Во второй половине XIX в. судебная система Российской империи претерпела значительные изменения. В результате реформы Александра II 1861 г. появился локальный судебный институт – волостной суд, призванный рассматривать крестьянские правоотношения. Судебная реформа 1864 г., несмотря на декларированный принцип всеобщности суда, сохранила волостной крестьянский суд в статусе местного судебного учреждения. Поскольку крестьянство составляло подавляющее большинство в структуре российского социума, данный орган стал важным арбитром в разрешении разнообразных юридических споров, несмотря на правовую обособленность сельского населения и наличие неформальных судебных институтов в общине.

В настоящей статье сделана попытка многоаспектного исследования исторического портрета волостного судьи. Хронологические границы работы определены 1861 и 1917 гг., что детерминировано существованием волостного суда и, соответственно, должности судей. Территориальные рамки изучения ограничены Казанской и Симбирской губерниями. Волостное судопроизводство названных провинций Среднего Поволжья является уникальным в силу полиэтничности и поликонфессиональности региона. Своеобразные обычаи регулирования правоотношений и социальных коллизий, присущие чувашам, татарам, марийцам, мордве, удмуртам, русским и другим, синкретические религиозные традиции населявших губернии этносов наложили определенную печать на волостную юстицию. Источниковой основой исследования являются архивные фонды волостных судов и правлений, мировых посредников и уездных по крестьянским делам присутствий, законодательные акты и рукописные этнографические собрания.

Состав, юрисдикция и процессуальная специфика волостной юстиции представлены в нормативно-правовых актах 1861, 1889 и 1912 гг. По «Общему положению о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» от 19 февраля 1861 г. (далее – Общее положение 1861 г.) для формирования волостного суда ежегодно волостным сходом избиралось от четырех до двенадцати очередных судей. На судебном заседании же должно было присутствовать не менее трех стражей правосудия. Судьи могли быть избраны на бессменный срок (в течение года) и приглашены по очереди, заранее определенной сходом. Отработавшие свой срок передавали бразды правления другим избранным судьям [Общее положение..., 1989, с. 57].

Согласно «Временным правилам о волостном суде в местностях, в которых введено Положение о земских участковых начальниках» от 12 июля 1889 г. (далее – Временные правила 1889 г.) волостной суд состоял из четырех судей, один из которых – председатель суда – назначался уездным съездом. Съезд при необходимости мог возложить обязанности председателя на местного волостного старшину. В рассмотрении каждого дела должны были участвовать не менее трех судей, в том числе председатель. Вопрос об избрании кандидатов в волостные судьи находился в юрисдик-

ции сельского схода. Согласно ст. 2 каждое сельское общество избирало одного кандидата, причем общее количество избранных лиц не должно было быть менее восьми. Из избранных лиц земский начальник утверждал четырех волостных судей на три года, а остальных назначал в кандидаты, которые должны были заменять судей в случае их временного отсутствия или ухода до истечения срока службы [Временные правила..., 1891, с. 528–529].

«Временные правила о волостном суде в местностях, в которых введен в действие закон о преобразовании местного суда» от 15 июня 1912 г. (далее – Временные правила 1912 г.) внесли изменения в состав суда и ввели более четкую регламентацию его функционирования. Волостной суд, заседавший в каждой волости, состоял из председателя, двух членов и двух кандидатов в члены. В случае необходимости мировой съезд мог увеличить состав волостного суда до шести членов и шести кандидатов. В рассмотрении каждого дела должны были принимать участие трое судей, включая председателя. Изменилась процедура выборов волостных судей. Сельские общества избирали выборщиков (на 100 дворов – один выборщик), которые тайным голосованием под руководством мирового судьи выбирали из своей среды на трехлетний период председателя и членов волостного суда, а также кандидатов в них. Лица, получившие наибольшее количество голосов, становились судьями. Мировой съезд в случае отсутствия нарушений утверждал список лиц, избранных на судебные должности [Васильев, 1913, с. 49–52].

Весьма примечательны критерии избрания на должность волостного судьи. Согласно ст. 114 закона 1861 г. кандидат на эту должность должен был быть «преимущественно из домохозяев» в возрасте не менее 25 лет, не приговоренным судом к телесному наказанию, не подозреваемым, не «развратным» человеком и не состоящим под судом и следствием [Общее положение..., 1989, с. 60]. Так, в январе 1876 г. на Сиделевском волостном сходе Цивильского уезда Казанской губернии выборные решили избрать на должность волостных судей 12 крестьян в три очереди, которые «поведения хорошего, под судом и в штрафах не были и должность волостного судьи отправлять могут без упущения» (ГИА ЧР. Ф. 52. Оп. 1. Д. 274. Л. 1–1 об.).

Архивные документы свидетельствуют, что чаще всего судьями становились крестьяне 36–40 лет. Избранный судья мог отказаться от своей должности только в случаях достижения им 60 лет, отработки полного срока службы, появления серьезных телесных недугов и наличия других уважительных причин, санкционированных сходом [Общее положение..., 1989, с. 61].

Законодатель не включил наличие грамотности в список требований к кандидатам в волостные судьи. Это и неудивительно, так как грамотность крестьянства была на низком уровне. По данным Казанского губернского статистического комитета в 1866–1867 гг. на 100 человек населения Казанской губернии грамотных приходилось 1,06 человек мужского пола и 0,2 – женского [Памятная книга..., 1866, с. 226]. Подсчеты Т.А. Тарабановой свидетельствуют, что в среднем в Российской империи грамотность волостных судей составляла 41 %, однако показатель резко колебался по регионам. Меньше всего грамотных было в поволжских и центральной хлебопашской губерниях [Тарабанова, 1993, с. 54].

Судя по Временным правилам 1889 г., на должность волостного судьи избирались крестьяне-домохозяева, достигшие 35 лет, пользовавшиеся уважением односельчан, по возможности грамотные [Временные правила..., 1891, с. 528]. По сути, для правильного решения какого-либо дела судьям достаточно было иметь базовые навыки по чтению и письму, уметь квалифицировать совершенное правонарушение и назначить санкцию, пользуясь специальным руководством, однако и эти задачи нередко оказывались трудными для реализации.

С принятием нового закона в должности волостных судей все чаще оказывались грамотные крестьяне. Так, из коллегии судей Шибьлгинского волостного суда Цивильского уезда Казанской губернии грамотными в 1891 г. являлись председатель суда Никита Васильев, судьи Василий Иванов, Иван Иванов, неграмотным – судья Еремей Васильев (ГИА ЧР. Ф. 131. Оп. 1. Д. 1. Л. 3, 5).

По закону 1889 г. на должность волостного судьи не могли быть избраны следующие претенденты: лица, привлекавшиеся к уголовной ответственности и подвергавшиеся по суду строгим санкциям; содержатели трактиров и питейных заведений; волостные и сельские чиновники [Временные правила..., 1891, с. 528]. В мае 1909 г. Яндобинское сельское общество Цивильского уезда Казанской губернии избрало кандидатом в волостные судьи на три года крестьянина с. Яндоба Прокофия Архипова. Судя по приговору сельского схода, кандидат «1) имеет от роду 48 лет; 2) ведет собственное хозяйство; 3) пользуется уважением своих однообщественников; 4) грамотный; 5)

за кражу, мошенничество, присвоение или растрату чужого имущества судебными приговорами не опорочен, а равно не подвергался по суду телесному наказанию, заключению в тюрьме или иному более строгому наказанию; б) ни трактиров, ни питейных заведений не содержит и 7) ни в каких должностях по волостному или сельскому управлению не состоит» (ГИА ЧР. Ф. 519. Оп. 1. Д. 6. Л. 1).

Согласно ст. 5 Временных правил 1912 г. в волостные судьи могли избираться грамотные крестьяне-домохозяева, достигшие 35 лет. Новый закон существенно ограничивал возможность замещения должности судьи. Не могли быть избранными лица, состоявшие под судом или следствием за преступления; подвергавшиеся заключению в тюрьме, а также телесному наказанию по приговорам волостных судов; осужденные в волостных судах за кражу имущества, мошенничество, присвоение или растрату чужого; лишенные должности по судебному приговору (в течение трех лет со дня лишения); представители волостной и сельской администрации; несостоятельные должники; содержатели питейных заведений; иностранцы, не принявшие российского подданства, и евреи [Васильев, 1913, с. 49–50].

Документы волостной юстиции свидетельствуют, что судьями были только представители мужского пола. Именно мужчины в отличие от женщин, как правило, имели право голоса на сходах, владели землей, заключали юридические сделки, представляли семью в официальных органах власти. Вместе с тем в ходе демократизации жизни в конце XIX – начале XX в. женщины стали активными участниками волостных судебных процессов.

При вступлении в должность волостные судьи и кандидаты на нее должны были принимать присягу, поклявшись хранить верность императору, свято исполнять законы, беспристрастно и по совести осуществлять правосудие. По Временным правилам 1889 г. судьи приводились к присяге земским начальником, 1912 г. – в присутствии мирового судьи [Временные правила..., 1891, с. 528; Васильев, 1913, с. 50–51].

С 1889 г. законодательство обязывало волостных судей носить должностной знак [Временные правила..., 1891, с. 528; Васильев, 1913, с. 52]. Он представлял собой металлический круг с рельефным изображением герба губернии под императорской короной с надписью «ВОЛОСТНОЙ СУДЬЯ» и датой проведения реформ. Очевидно, ношение особого знака поднимало социальный статус судей в глазах крестьянского населения.

Следует отметить, что законы 1889 и 1912 гг. запрещали волостным судьям принимать участие в судебных делах, касавшихся их самих или неотделенных членов семьи [Временные правила..., 1891, с. 529; Васильев, 1913, с. 52]. Судьи не должны были состоять в родственных отношениях с истцом либо ответчиком. В качестве показательного примера следует привести дело Буинского уездного по крестьянским делам присутствия Буинского уезда Симбирской губернии по жалобе на приговор Хомбуть-Батыревского волостного суда (1890 г.). Истец – рядовой запаса с. Хомбуть-Батырево Григорий Александров – оспорил решение суда о назначении ему семидневного ареста за причинение побоев крестьянке Мавре Александровой, так как она имела родственные отношения с одним из судей – Филиппом Васильевым. Названное обстоятельство было подтверждено местным волостным правлением в ходе дознания. Учитывая изложенное, Буинское уездное по крестьянским делам присутствие отменило приговор (НА РТ. Ф. 989. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 51–55 об.).

По Общему положению 1861 г. волостные судьи в отличие от обычных крестьян имели преференции – освобождались в период службы от натуральных повинностей, которые принимало на себя общество, и телесного наказания [Общее положение..., 1989, с. 62]. Согласно закону 1912 г. они не подлежали административным взысканиям во время исполнения своих профессиональных обязанностей [Васильев, 1913, с. 51].

Во второй половине XIX – начале XX в. происходила трансформация юрисдикции волостных судей, обусловленная изменением политического курса государства в период правления Александра III и Николая II. Согласно Общему положению 1861 г. в компетенцию судей входили незначительные правонарушения, споры и тяжбы ценой до 100 руб., касавшиеся движимого и недвижимого крестьянского имущества, различных сделок и обязательств, а также возмещения ущерба. Судьи по желанию тяжущихся сторон могли рассматривать и дела, выходящие за эти рамки. Ст. 102 названного закона регламентировала возможные санкции: отдача в работы до шести дней, штраф до трех рублей, арест до семи дней и телесное наказание до 20 ударов розгами [Общее положение..., 1989, с. 57–59].

По закону 1861 г. решения, принимавшиеся волостными судьями в рамках своей компетенции, считались окончательными и не могли быть обжалованы. В случае превышения судьями своих полномочий приговоры могли быть отменены местным уездным съездом мировых посредников (с 1866 по 1874 г.) и уездным по крестьянским делам присутствием (с 1874 по 1889 г.). Мировые посредники имели право делать замечание и выговор должностным лицам, присуждать их к штрафу до пяти рублей или аресту до семи дней и даже увольнять виновных с должности.

По Временным правилам 1889 г. компетенции волостных судей расширились. Судьи по гражданским делам могли рассматривать споры и тяжбы между крестьянами о недвижимом имуществе, входящем в состав крестьянского надела; споры между лицами, подведомственными волостному суду, ценой до 300 руб.; дела по наследованию и разделам до 500 руб.; судьи по уголовным делам – мелкие кражи, мошенничество, присвоение чужого имущества, драки, угрозы, нарушение договора найма; мотовство и пьянство, явившиеся причиной разорения хозяйства. Отныне волостным судам стали подсудны иски не только между крестьянами, но и между мещанами, посадскими, ремесленниками и цеховыми, постоянно живущими в селениях. В качестве наказания волостные судьи могли назначить выговор в присутствии суда; денежное взыскание от 25 коп. до 30 руб.; арест до 15 дней (за совершение кражи, мошенничества и присвоение чужого имущества – до 30 дней); наказание розгами до 20 ударов [Временные правила..., 1891, с. 529–531]. По закону 1889 г. были предусмотрены процедуры апелляции в уездный съезд земских начальников и кассации в губернское по крестьянским делам присутствие. Приговоры волостных судей могли быть обжалованы в течение 30 дней со дня оглашения приговора.

Вместе с увеличением роли волостного суда, расширением сферы его подсудности и ужесточением системы санкций происходит усиление контроля за деятельностью суда со стороны администрации. Местный земский начальник, представитель дворянства, не менее двух раз в год был обязан производить ревизию волостных судов. Он мог приостановить решение суда в связи с неподсудностью или вынесением незаконного приговора и представить материалы в уездный съезд [Временные правила..., 1891, с. 529–530].

Таким образом, закон 1889 г. предоставил земским начальникам право всесторонне контролировать деятельность волостных судей и устанавливать порядок судопроизводства. Не случайно А.А. Леонтьев назвал волостной суд зависимым от администрации, подневольным судом. Не только указания и наставления со стороны крестьянского начальства постоянно сыпались на этот суд, были нередкими и наказания волостных судей в виде штрафа и даже ареста за судебную деятельность, не понравившуюся земскому начальнику [Леонтьев, 1905, с. 22].

Судебная контрреформа Александра III, предоставившая земским начальникам широкие судебные-административные функции, нивелировала достижения, предусмотренные реформой 1860-х гг. в области суда, став ярким проявлением реакционного продворянского курса государства.

Временные правила 1912 г. существенно сузили юрисдикцию волостной юстиции, хотя и внесли в ее организацию ряд улучшений. Суды освобождались от подчинения административным органам и вводились в общую сеть судебных установлений. Мировому судье, как профессиональному юристу, была предоставлена надзорная функция над волостными судами и самими судьями. Раз в год он должен был проводить ревизию всех судов своего участка и выявлять нарушения [Васильев, 1913, с. 54].

По новому закону волостные судьи могли рассматривать как гражданские, так и уголовные дела в отношении крестьян и лиц, подведомственных крестьянскому общественному управлению. Из гражданских дел их ведению подлежали иски ценой до 100 руб., касавшиеся движимого имущества, различных договоров и обязательств, а также возмещения ущерба; иски о восстановлении нарушенного и утраченного владения; иски о правах на наделные земли, находившиеся в общинном пользовании; дела по наследованию и разделам (без ограничения суммы, если имущество входило в состав крестьянского надела; ценой до 500 руб., если движимая собственность не входила в состав надела) [Васильев, 1913, с. 56].

По сути, реформаторы решили вернуться к подсудности по гражданским делам, предусмотренной Общим положением 1861 г. (иски до 100 руб.), снизив значимость волостного суда, разбиравшего с 1889 г. широкий спектр крестьянских правоотношений, и сузив область применения норм обычного права. Авторами закона не были учтены новые экономические реалии, увеличение доходов крестьян вследствие капиталистического развития страны. Вместе с тем дела, касавшиеся

недвижимого имущества, иски, основанные на крепостных, нотариальных и засвидетельствованных актах, а также иски о взысканиях по векселям изымались из ведения волостного суда. Таким образом, сложные дела, требующие специальных юридических знаний, которыми не владели судьи, старались передать в вышестоящие судебные инстанции.

В соответствии с Временными правилами 1912 г. волостным судьям были подсудны и уголовные дела: проступки против порядка управления, нарушения общественного порядка и спокойствия, строительного устава и устава путей сообщения, правил предосторожности от пожаров, проступки против личной безопасности, оскорбление чести и достоинства человека, угроза и насилие, мелкие проступки против частной собственности [Васильев, 1913, с. 57; Устав о наказаниях..., 1902, с. 117–411]. В новых условиях в качестве наказания за правонарушения волостные судьи могли назначить арест до одного месяца или штраф до 100 руб. Более строгие санкции за совершение тяжких преступлений применялись мировыми судьями.

Согласно закону 1912 г. апелляционной инстанцией волостного суда являлся верхний сельский суд, состоявший из участкового мирового судьи и председателей волостного суда, кассационной инстанции – мировой съезд. Решения судей можно было обжаловать в течение 30 дней по гражданским и в течение 14 дней по уголовным делам [Васильев, 1913, с. 53–54, 61].

После Февральской революции 1917 г. расширилась компетенция земских органов самоуправления, были утверждены волостные земские учреждения: волостные земские собрания и управы. В связи с этим волостные суды вместе с судейской коллегией были упразднены (ГИА ЧР. Ф. 555. Оп. 1. Д. 14. Л. 42–42 об.).

Особую роль в волостном судопроизводстве играл председатель суда. Ему было предоставлено право открывать и закрывать заседания, руководить судебным разбирательством, следить за дисциплиной участников процесса [Временные правила..., 1891, с. 529; Васильев, 1913, с. 52]. Все лица, находившиеся в зале суда, были обязаны соблюдать «благопристойность, порядок и тишину» и подчиняться распоряжениям председателя. В соответствии с законом 1912 г. нарушителей судебного порядка председатель сначала предупреждал об ответственности, а затем штрафовал на сумму от 25 коп. до 1 руб. в пользу мирского капитала волости либо удалял с заседания. Лиц, подведомственных крестьянскому общественному управлению, он мог подвергнуть аресту до 24 часов [Васильев, 1913, с. 52].

В назначенный день судебного заседания все участники процесса должны были являться лично. При отсутствии обвиняемого судья назначал его привод через волостного старшину (ГИА ЧР. Ф. 66. Оп. 1. Д. 17. Л. 7). Иногда волостные судьи откладывали дело в связи с отсутствием подсудимого (ГА РМЭ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 66. Л. 2; ГИА ЧР. Ф. 138. Оп. 1. Д. 13. Л. 76), свидетелей (ГАУО. Ф. 565. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 19; ГИА ЧР. Ф. 138. Оп. 1. Д. 22. Л. 26; Ф. 342. Оп. 1. Д. 1. Л. 7 об.–8 об.) или же принимали заочное решение (ГИА ЧР. Ф. 43. Оп. 1. Д. 7. Л. 326 об.; Ф. 47. Оп. 1. Д. 6. Л. 4; ГАУО. Ф. 240. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 165 об.). Вместе с тем судьи могли наложить штраф за неявку на заседание без уважительной причины (НА РТ. Ф. 1166. Оп. 1. Д. 2. Л. 11–13; ГИА ЧР. Ф. 135. Оп. 2. Ч. II. Д. 33. Л. 1).

В процессе судопроизводства волостные судьи стремились разобрать все обстоятельства дела, допросить его фигурантов, свидетелей, выявить доказательственную базу совершенного правонарушения. Если во время тяжбы служители правосудия не могли прийти к единогласному решению, то приговор выносился большинством голосов, а при разделении голосов поровну – согласно мнению председателя суда [Временные правила..., 1891, с. 529; Васильев, 1913, с. 52].

Волостные судьи могли производить дознания по проступкам в присутствии двух или более свидетелей из местных домохозяев. Осмотры местности по гражданским делам проводились лишь по просьбе тяжущихся [Общее положение..., 1989, с. 59]. Законы 1889 и 1912 гг. предоставили возможность судьям в случае необходимости производить не только осмотры местности, но и обыски и выемки у обвиняемых [Временные правила..., 1891, с. 531; Васильев, 1913, с. 60].

Основными доказательствами в раскрытии правонарушений являлись чистосердечное признание подсудимого, показания свидетелей, письменные документы, следы и вещественные улики, найденные в ходе обыска, знаки собственности. Однако судьи не были лишены известной степени субъективизма – в ходе разбирательства и назначения санкций они учитывали репутацию человека, его порядочность, честность, трудолюбие, а также социальное положение, часто не обращая внимания на тяжесть совершенного деяния. Добропорядочное поведение ответчика в повседневной

жизни могло стать причиной отказа в удовлетворении иска, в том числе по уголовным делам (ГИА ЧР. Ф. 577. Оп. 1. Д. 28. Л. 38 об.–39). «Дурная слава о человеке ужесточала выносимый приговор, и, напротив, отзывы об участнике процесса как о трудолюбивом и рачительном хозяине учитывались как смягчающие вину обстоятельства» [Безгин, 2012, с. 14].

Следует отметить, что волостные судьи являлись представителями крестьянского мира, которым были присущи аналогичные воззрения, социокультурные ценности, обычаи и традиции. В ходе судопроизводства они оперировали не только статьями закона, но и нормами обычного права, санкционированными государством. Своими решениями судьи старались обеспечивать правовой порядок, охранять собственность, защищать права и свободы личности, воспитывать трудолюбие и порядочность, поддерживать мир и согласие в семье и обществе.

В самом начале судебного заседания судьи пытались склонить тяжущихся к примирению (НА РТ. Ф. 622. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 44; ГА РМЭ. Ф-60. Оп. 1. Д. 66. Л. 8; ГАУО. Ф. 240. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 85; ГИА ЧР. Ф. 335. Оп. 1. Д. 2. Л. 2). В 1872 г. Акулевский волостной суд Чебоксарского уезда Казанской губернии рассматривал дело о «самовольном захвате» у крестьянки д. Старое Акулево Авдотьи Ефимовой движимого и недвижимого имущества ее старшей сестрой Василисой Ефимовой, вышедшей замуж при жизни отца. По предложению волостных судей сестры согласились заключить мировую сделку, однако лишь при условии возврата части имущества истице (ГИА ЧР. Ф. 576. Оп. 1. Д. 1. Л. 17 об.–18).

Примилив стороны, судьи не только избавляли крестьян от судебной волокиты, возможных наказаний и обид, но и сохраняли мирную, спокойную, рабочую атмосферу среди односельчан, гармонию в семье, создавали условия для будущего сотрудничества участников судебного процесса в различных сферах. Безусловно, мировые сделки облегчали и работу судей, позволяя частично решить проблему массового скопления дел и их неисполнения. Нерассмотренные судебные тяжбы, а также апелляции создавали дополнительные трудности для судебных чиновников, главным образом для писаря-делопроизводителя.

В ходе реализации должностных полномочий взгляды судей постепенно трансформировались, стражи правосудия попадали в зависимость от местной администрации и вышестоящих судебных инстанций. Использование судьями своего статуса в корыстных целях стало нередким явлением. В результате при вынесении решений не всегда учитывались крестьянские интересы, а порой назначались несправедливые санкции.

Необходимо подчеркнуть, что должность волостного судьи в среде трудолюбивых и достойных крестьян воспринималась как тягость и повинность, отвлекающая от домашнего хозяйства (ГИА ЧР. Ф. 334. Оп. 1. Д. 4. Л. 126 об.–127). В связи с этим они отказывались баллотироваться и стражами правосудия нередко становились нечистые на руку люди. В ходе выборов волостных судей кандидаты на вакантные места прибегали к подкупу, тратили на это большие деньги, несмотря на невысокое жалование. Получив искомую должность, они старались возместить израсходованные во время выборов финансовые средства, что приводило к всевозможным злоупотреблениям (НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 177. С. 580–587; Ед. хр. 268. С. 324).

Имеющиеся в нашем распоряжении архивные материалы свидетельствуют о многочисленных фактах коррупции и взяточничества волостных судей (ГИА ЧР. Ф. 18. Оп. 1. Д. 549. Л. 1; Ф. 132. Оп. 1. Д. 11. Л. 4; ГА РМЭ. Ф-68. Оп. 1. Ед. хр. 143. Л. 1–15; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 177. С. 574–575, 595–597 и др.). Как ни странно, судьи имели своих лжесвидетелей. Нередко большим доверием пользовались коштаны (мироеды), деревенские горлопаны, а не добропорядочные, честные, несудимые крестьяне. Так, служители Фемиды оправдывали явных преступников и осуждали невиновных (НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 206. С. 184).

Злоупотребления волостных судей становились предметом разбирательства в вышестоящих инстанциях. По подсчетам Л.Н. Гончаренко, на рубеже 1870 и 1880-х гг. дела по жалобам сельского населения на приговоры волостных судов в уездные по крестьянским делам присутствия составляли 24 % от общего количества дел присутствий [Гончаренко, 1984, с. 125]. Вместе с тем обвинительные приговоры в отношении блюстителей правосудия были редким исключением. Трудно было доказать факт взяточничества без признания судей и ясных показаний свидетелей (ГИА ЧР. Ф. 17. Оп. 1. Д. 47. Л. 1–6 об.).

Закон строго наказывал людей за взяточничество, однако согласно конъюнктурным народным воззрениям на судей и судебный процесс для получения взятки не следовало прибегать к вы-

могательству. Крестьяне сами охотно давали взятку судьям, чтобы наказать своих обидчиков (НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 517. С. 367). «Чья из двух, просителя и ответчика, чаша с деньгами, продуктами и водкою тяжелее потянет, тот и выигрывает дело, составить решение, подтасовать показание свидетелей и мотивировку в ту или другую сторону – дело уже рук делопроизводителя» [Риттих, 1904, с. 90–91].

Судьи, опираясь на статьи законов о волостной юстиции и нормы обычного права, порой произвольно трактовали правонарушения и выносили разные судебные решения по схожим делам. К тому же незнание и непонимание крестьянами законов усугубляло их положение, создавало условия для вымогательства и взяточничества судебных чиновников, вырабатывало неприязнь к государственному праву и процессуальному формализму. Негативное и скептическое отношение к официальной юстиции было вызвано также медлительностью судебного процесса, существенными финансовыми затратами на судопроизводство, давлением на судей зажиточной верхушки и мироедов.

Таким образом, волостной суд, несмотря на выборность и крестьянское происхождение блюстителей правосудия, медленно завоевывал авторитет в сельском обществе. В пореформенный период крестьяне чаще прибегали к общинным судам, которые пытались не обострять личные отношения, а восстановить доверие и согласие между сторонами на ранних стадиях конфликта. Мировая сделка в этническом правосознании считалась наиболее справедливым и оптимальным разрешением тяжбы.

В конце XIX в. отношение крестьян к волостной юстиции и самим судьям постепенно изменилось. Крестьяне были вынуждены обращаться к ним с различными житейскими проблемами, когда невозможно было достичь справедливого решения внутри социума. Вследствие развития капиталистических отношений, социальной стратификации, увеличения количества семейных разделов, повышения общественной значимости молодых домохозяев, а также беспорядка и своеволия на сельских сходах, подкупа и спаивания нарушителями должностных лиц и влиятельных крестьян, предвзятости при вынесении приговора общинные суды и их неформальные лидеры постепенно были дискредитированы. Л.И. Земцов отмечает, что «имущественное и социальное расслоение в крестьянском обществе вело к усилению внутримирских противоречий, что увеличивало значение волостного суда» [Земцов, 2007, с. 85–86].

В конце XIX – начале XX в. у населения повысилась степень доверия к волостной юстиции, что выразилось в увеличении количества обращений в суды. Волостной суд стал своего рода второй судебной инстанцией, апелляционным органом, реагирующим на несправедливые, по мнению тяжущихся, решения мирских судов. Отныне крестьяне подавали иски даже по самым незначительным делам (НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 179. С. 10; Ед. хр. 218. С. 44, 134; Ед. хр. 268. С. 255).

В новых условиях трансформировались правовые воззрения сельского населения, изменилось отношение к закону. Если раньше конфликтовавшие стороны предпочитали заключать мировую сделку как по гражданским, так и по уголовным делам, то на рубеже веков волостные суды были переполнены делами о нанесенных побоях и оскорблениях (НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 174. С. 284) [Обзор Казанской..., 1910, с. 83–84]. Распространенность судебных исков по поводу личных обид, затрагивавших честь и достоинство человека, говорит о высокой степени правовой культуры крестьянства в начале XX в.

Подытоживая исследование, следует отметить, что волостные судьи являлись важными арбитрами в регулировании отношений в крестьянской среде. В качестве приоритетных задач они ставили примирение тяжущихся сторон, а также преодоление конфликтных ситуаций по справедливости. Однако судьи, зависимые от вышестоящих должностных лиц и инстанций, местных кулаков и мироедов, порой злоупотребляли своим положением. В связи с этим у поволжских крестьян достаточно долгое время сохранялся скепсис по отношению к волостным судьям и самому суду.

Очевидно, правомерность, гуманность и справедливость выносимых судебных решений во многом были обусловлены профессиональными и личными качествами судей, их степенью независимости. В связи с этим в ходе разработки и принятия нормативно-правовых актов о волостной юстиции во главу угла следовало поставить независимость судей от административных лиц и органов, а также юридическую грамотность стражей правосудия, предполагающую знание не только законов, но и обычаев и традиций, религиозных воззрений, культурно-бытовой специфики населения.

Необходимо подчеркнуть важную роль волостных судей в формировании и развитии право-

вой культуры крестьянства. Своими решениями они способствовали постепенной трансформации общественного мнения населения о правомерном и неправомерном, нарушениях и наказаниях, изменению правосознания крестьян, созданию системы социального контроля над нарушителями, практическому воплощению идеи отстаивания своих прав и интересов в официальном суде. Благодаря деятельности волостных судей крестьяне начали понимать ряд юридических тонкостей и процедур, привлекать доказательства своей правоты, а закон постепенно становился частью жизни сельского социума.

Список источников

Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 240. Оп. 1. Ед. хр. 4; Ф. 565. Оп. 1. Ед. хр. 26.
Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 17. Оп. 1. Д. 47; Ф. 18. Оп. 1. Д. 549; Ф. 43. Оп. 1. Д. 7; Ф. 47. Оп. 1. Д. 6; Ф. 52. Оп. 1. Д. 274; Ф. 66. Оп. 1. Д. 17; Ф. 131. Оп. 1. Д. 1; Ф. 132. Оп. 1. Д. 11; Ф. 135. Оп. 2. Ч. 2. Д. 33; Ф. 138. Оп. 1. Д. 13, 22; Ф. 334. Оп. 1. Д. 4; Ф. 335. Оп. 1. Д. 2; Ф. 342. Оп. 1. Д. 1; Ф. 519. Оп. 1. Д. 6; Ф. 555. Оп. 1. Д. 14; Ф. 576. Оп. 1. Д. 1; Ф. 577. Оп. 1. Д. 28.
Государственный архив Республики Марий Эл (ГА РМЭ). Ф-60. Оп. 1. Д. 66; Ф-68. Оп. 1. Д. 143.
Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. I. Ед. хр. 174, 177, 179, 206, 218, 268, 517.
Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 622. Ед. хр. 1; Ф. 989. Оп. 1. Ед. хр. 35; Ф. 1166. Оп. 1. Ед. хр. 2

Библиографический список

Безгин В.Б. Волостной суд сельской России (вторая половина XIX – начало XX в.) // Современные исследования социальных проблем [Электронный научный журнал]. 2012. № 12(20).
Васильев А.А. Закон о преобразовании местного суда 15 июня 1912 г. СПб., 1913.
Временные правила о волостном суде в местностях, в которых введено Положение о земских участковых начальниках // Полн. собр. законов Российской империи. 1889. СПб., 1891. Т. 9.
Гончаренко Л.Н. Крестьянское сословное управление в Казанской губернии в пореформенный период (60–90-е годы XIX в.) // Исследования по истории крестьянства Татарии дооктябрьского периода. Казань, 1984.
Земцов Л.И. Крестьянский самосуд: правовые основы и деятельность волостных судов в пореформенной России (60–80-е гг. XIX в.). Воронеж, 2007.
Леонтьев А.А. Суд и его независимость. СПб., 1905.
Обзор Казанской губернии за 1908 г. Казань, 1910.
Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости // Российское законодательство X–XX вв. М., 1989. Т. 7: Документы крестьянской реформы.
Памятная книга Казанской губернии на 1866–1867 г. Казань, 1866. Отд. 3: Статистические сведения.
Риттих А.А. Крестьянский правопорядок: Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям Европейской России. СПб., 1904.
Тарабанова Т.А. Состав волостных судов // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 1993. № 2.
Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Изд. 1885 г. / Н.С. Таганцев. СПб., 1902.

Дата поступления рукописи в редакцию 22.03.2015

HISTORICAL PORTRAIT OF VOLOST JUDGE

D. V. Egorov

I.N. Ulyanov Chuvash State University, Moskovsky ave., 15, 428015, Cheboksary, Russia
egorov2202@mail.ru

In the second half of the 19th century, the judicial system of the Russian Empire underwent essential changes. In 1861, a new local judicial institute – the volost court urged to consider peasant legal relationship was established. The institute became an important regulator of public relations, despite of legal isolation of rural people and existence of informal courts in a community. The historical portrait of volost judge of 1861–1917 is presented in the article on the example of Kazan and Simbirsk provinces. According to the laws of 1861, 1889 and 1912, age, moral and educational qualifications, and the status of householder were criteria for the position. In general, jurisdiction of volost judges was limited to small crimes, disputes and litigation over property. Priority tasks of volost judges were reconciliation and overcoming of conflict situations according to justice. At the same time, they were dependent on and controlled by higher officials and instances, as well as by local rich peasants; therefore, they sometimes abused the

situation. As a result, volost judges faced problems in gaining credibility in rural society. The public trust to volost courts increased only in the late 19th – early 20th centuries when they became a kind of second judicial instances, appeal institutes on unfair solutions of communal courts. Volost judges were important arbitrators in regulating law and order and in permission of various collisions in the village. They played a significant role in forming and developing legal culture of the peasantry. They contributed to gradual transformation of public opinion on law and justice, creation of system of social control over offenders, changes in legal awareness of peasants and practical upholding of their rights and interests in an official court. Due to the functioning of volost court and the activities of volost judges, peasants began to realize a number of legal subtleties and procedures, to attract proofs of their correctness, and the law gradually became a part of their life.

Key words: volost judge, volost court, jurisdiction, peasantry, Kazan and Simbirsk provinces.

References

- Bezgin V.B. Volostnoy sud sel'skoy Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.). *Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem* [Elektronnyy nauchnyy zhurnal]. 2012. № 12(20).
- Goncharenko L.N. Krest'yanskoe soslovnoe upravlenie v Kazanskoj gubernii v poreformennyj peri-od (60–90-e gody XIX v.). *Issledovaniya po istorii krest'yanstva Tatarii dooktyabr'skogo perioda*. Kazan', 1984.
- Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Mariy El (GA RME). F-60. Op. 1. D. 66; F-68. Op. 1. D. 143.
- Gosudarstvennyy arkhiv Ul'yanovskoy oblasti (GAUO). F. 240. Op. 1. Ed. khr. 4; F. 565. Op. 1. Ed. khr. 26.
- Gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Chuvashskoy Respubliki (GIA ChR). F. 17. Op. 1. D. 47; F. 18. Op. 1. D. 549; F. 43. Op. 1. D. 7; F. 47. Op. 1. D. 6; F. 52. Op. 1. D. 274; F. 66. Op. 1. D. 17; F. 131. Op. 1. D. 1; F. 132. Op. 1. D. 11; F. 135. Op. 2. Ch. II. D. 33; F. 138. Op. 1. D. 13, 22; F. 334. Op. 1. D. 4; F. 335. Op. 1. D. 2; F. 342. Op. 1. D. 1; F. 519. Op. 1. D. 6; F. 555. Op. 1. D. 14; F. 576. Op. 1. D. 1; F. 577. Op. 1. D. 28.
- Leont'ev A.A. Sud i ego nezavisimost'. SPb., 1905.
- Natsional'nyy arkhiv Respubliki Tatarstan (NA RT). F. 622. Ed. khr. 1; F. 989. Op. 1. Ed. khr. 35; F. 1166. Op. 1. Ed. khr. 2
- Nauchnyy arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk (NA ChGIGN). Otd. I. Ed. khr. 174, 177, 179, 206, 218, 268, 517.
- Obshee polozhenie o krest'yanakh, vyshedshikh iz krepostnoy zavisimosti. *Rossiyskoe zakonodatel'stvo X–XX vv.* M., 1989. T. 7: Dokumenty krest'yanskoy reformy.
- Obzor Kazanskoy gubernii za 1908 g. Kazan', 1910.
- Pamyatnaya kniga Kazanskoy gubernii na 1866–1867 g. Kazan', 1866. Otd. III. Statisticheskie svedeniya.
- Rittikh A.A. Krest'yanskiy pravoporyadok: Svod trudov mestnykh komitetov po 49 guberniyam Evropeyskoy Rossii. SPb., 1904.
- Tarabanova T.A. Sostav volostnykh sudov. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8: Istoriya*. 1993. № 2.
- Ustav o nakazaniyakh, nalagaemykh mirovymi sud'yami. Izd. 1885 g. / N.S. Tagantsev. SPb., 1902.
- Vasil'ev A.A. Zakon o preobrazovanii mestnogo suda 15 iyunya 1912 g. SPb., 1913.
- Vremennyye pravila o volostnom sude v mestnostyakh, v kotorykh vvedeno Polozhenie o zemskikh uchastkovykh nachal'nikakh // Poln. sobr. zakonov Rossiyskoy imperii. 1889. SPb., 1891. T. 9.
- Zemtsov L.I. Krest'yanskiy samosud: pravovye osnovy i deyatel'nost' volostnykh sudov v poreformennoy Rossii (60–80-e gg. XIX v.). Voronezh, 2007.